

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук**

TERRA EURASICA:
к 60-летию академика Б. В. Базарова

Иркутск
Оттиск
2020

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
Т35

Утверждено к печати Ученым советом
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН»

Ответственные редакторы:

чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин,
д-р ист. наук, проф. Л. В. Курас

Рецензенты:

д-р ист. наук А. М. Плеханова
д-р ист. наук, проф. В. Д. Дугаров
д-р ист. наук, проф. Е. И. Лиштованный

Т35 Terra Eurasica: к 60-летию академика Б. В. Базарова: Сборник научных статей / отв. ред. Н. Н. Крадин, Л. В. Курас. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2020. – 300 с.

В сборник включены статьи, подготовленные к 60-летию юбилею академика Б. В. Базарова. Рассматривается широкий круг проблем всемирной и отечественной истории, начиная от первобытной археологии до современных вопросов экономической интеграции на евразийском пространстве. Большое внимание уделено Байкальской Азии, истории Монголии.

Книга предназначена для историков, специалистов в области общественных и гуманитарных наук, а также всех интересующихся вопросами отечественной и всемирной истории.

ISBN 978-5-6045121-3-5

© ИМБТ СО РАН, 2020
© Б. В. Базаров, 2020
© Н. Н. Крадин, 2020
© Л. В. Курас, 2020

УДК 94(571.54)+294.3
ББК 63.3(2 Рос.Бур.)+86.35

А. В. Дамдинов

Дело Агвана Доржиева: последние страницы жизни буддийского иерарха

Аннотация. В статье рассматриваются последние годы жизни видного иерарха буддийской конфессии, учителя Его Святейшества Далай ламы XIII, идеолога обновленчества буддийской церкви Агвана Доржиева. Автор вводит в оборот документы архивов ФСБ, которые позволяют осознать всю трагедию Советского государства 30-х годов, прошедшего через массовые репрессии, а также специфику репрессивной политики в Бурят-Монголии.

Ключевые слова: Агван Доржиев, буддийская конфессия, обновленчество, НКВД, репрессии.

«Неизвестные страницы истории Бурятии (из архивов КГБ)»¹ – под таким заголовком в начале 90-х годов вышла целая серия брошюр под общей редакцией Б. В. Базарова, посвященная истории Бурятии 20–30-х годов XX в. Наряду с редактором над изданием работали В. Ц. Ганжуров, Ю. П. Шагдуров, Л. В. Курас, В. Д. Дугаров. Тогда это была плеяда молодых историков, открывших много неизвестных страниц истории Бурятии. Роль каждого из них просто неопределима. Это было новое веяние в современной историографии и источниковедении, и каждого из этой блестящей плеяды исследователей я с благодарностью могу назвать своим учителем.

Борис Ванданович Базаров, ныне академик РАН, ученый с мировым именем, был идейным вдохновителем созданной в конце 80-х – начале 90-х гг. Ассоциации молодых историков, преобразованной затем в Общественно-научный центр «Сибирь», организации, которая сыграла огромную роль в становлении современной исторической науки в Бурятии. Вышедшая в 90-х гг. «История Бурятии – в вопросах и ответах»² сразу стала бестселлером среди учителей истории. Можно перечислить десятки изданий, вышед-

¹ Неизвестные страницы истории Бурятии (из архивов КГБ). Улан-Удэ: Изд-во «ОНЦ Сибирь», 1991–1993.

² История Бурятии в вопросах и ответах [в 3-х выпусках]/М-во народ. образования Бурятской АССР, Ассоциация молодых историков; сост. Б. Базаров, В. Ганжуров, В. Дугаров, Ю. Шагдуров. Улан-Удэ, 1990.

ших из под пера Б. В. Базарова или под его редакторством; назвать огромное количество научных мероприятий проведенных им. Всё это лишь подчеркивает его талант организатора науки, неиссякаемого и неутомимого исследователя, крупного научного и общественного деятеля. В судьбе многих исследователей он сыграл важную роль, и моя судьба не исключение. Борис Ванданович был официальным оппонентом при защите моей кандидатской диссертации¹, но фактически стал вторым научным руководителем, за что я ему безмерно благодарен.

Сюжет статьи, выбранный мной для публикации, не случаен. Впервые статья о последних страницах жизни Агвана Доржиева – известного буддийского, религиозного деятеля конца XIX – начала XX вв., была опубликована Б. В. Базаровым и Ю. П. Шагдуровым на страницах журнала «Байкал»² и фактически предопределила мой выбор научной проблематики: «Репрессивная политика Советского государства и судьбы религиозных деятелей буддийской конфессии в 20–30-е годы XX в.».

Вообще история политических репрессий в Бурят-Монголии в годы Советской власти – это проблема, которая получила серьезную прописку в современной российской историографии как на диссертационном³, так и на монографическом⁴ уровне. Республика обладает полной базой данных жертв политических репрессий, опубликованной в 7 томах⁵.

¹ Дамдинов А. В. Агван Доржиев: Дипломат, политик, общественный и религиозный деятель. Диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Иркутск, 1996. 144 с.

² Базаров Б., Шагдуров Ю. Последние страницы из жизни Агвана Доржиева // Байкал. 1991. № 3.

³ Цыжипов Э. В. История политических репрессий в Бурят-Монголии. 1928 – июнь 1941 гг. Диссерт. к. и. н. Улан-Удэ, 2006; Фартусов Д. Б. Репрессии 1920-х – 1930-х гг. и государственная реабилитационная политика в Бурятии: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Улан-Удэ, 2018. 24 с. Доржиев Д. Л. К вопросу о проведении «антирелигиозной» кампании в Бурятии на рубеже 1920–30 годов // Бурятский буддизм: история и идеология. Улан-Удэ, 1997; Номогоева В. В., Митапова А. В. Репрессии в отношении эмчи-лам в 1920–30-х гг. // Вестник Бурятского университета. Сер. 4: История. Вып. 5. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2002. С. 72–81.

⁴ Базаров Б. В. Общественно-политическая жизнь 1920–1950-х годов и развитие литературы и искусства Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 193 с.; он же. Неизвестное из истории панмонголизма. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 67 с.; Доржиев Д. Л. Крестьянские восстания и мятежи в Бурятии в 20–30 годы (хроника языком документа). Улан-Удэ, 1993. 82 с.; Цыремпилова И. С. Религия и власть в Республике Бурятия: история взаимоотношений (1917–1940 гг.). Улан-Удэ, 2000. 162 с.

⁵ Книга Памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия/сост. С. В. Васильева [и др.]. Т. 1–7. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2000–2012.

Важнейшим сегментом репрессивной политики стала анти-религиозная кампания, которая наибольшей мере проявилась в борьбе с православием¹ и буддизмом². Эта кампания прошла катком по судьбе и самой жизни крупного буддийского религиозного деятеля Агвана Доржиева. Последние годы жизни А. Доржиева связаны с драматическими событиями 30-х годов.

В этот период в Бурятии широким фронтом велась кампания против духовенства³. Основным ее мотивом было то, что церковь препятствует росту колхозов, торпедирует активность бедняцко-среднеуказных масс, ведет контрреволюционную, антисоветскую пропаганду. Многие служители культа были вынуждены снять с себя духовный сан. Активные сторонники сохранения религии, сопротивлявшиеся закрытию храмов, подвергались арестам и приговаривались к различным срокам заключения, а часть из них была выслана за пределы республики. При этом органами НКВД раскрывались все новые и новые контрреволюционные, повстанческо-диверсионные организации при дацанах и церквях.

Изучение архивных материалов, начатое со второй половине 50-х годов и продолженное сегодня, установило, что многие из так называемых контрреволюционных организаций вообще не существовали. Предварительное следствие по этим делам проводилось с нарушением законности и фальсификацией следственных материалов. Дело доходило даже до подготовки специальных инструкций как некоего обобщения «передового опыта»⁴. Фальсификация следственных материалов, меры физического воздействия заставляли арестованных признаваться в преступлениях, которых они не совершали.

В середине 1937 г. 84-летний Агван Доржиев со своим поваром Дугаром Жимбиевым – ламой-гэбши Ацагатского дацана – прибывает в Бурятию из Ленинграда⁵.

¹ Цыремпилова И. С. Русская православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона). Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. 300 с.

² Доржиев Д. Л. К вопросу о проведении «антирелигиозной» кампании в Бурятии на рубеже 1920–30 годов // Бурятский буддизм: история и идеология. Улан-Удэ, 1997; Номогоева В. В., Митапова А. В. Репрессии в отношении эмчи-лам в 1920–30-х гг. // Вестник Бурятского университета. Сер. 4: История. Вып. 5. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2002. С. 72–81.

³ Базаров Б. В. Общественно-политическая жизнь 1920–1950-х годов и развитие литературы и искусства Бурятии. Улан-Удэ, 1995. С. 72.

⁴ Там же. С. 76.

⁵ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Бурятия (АУФСБ РФ по РБ). Д. 4030. Л. 31.

Как показывают материалы дела, Агвану Доржиеву уже приходилось иметь дело с органами ОГПУ в 1934 г. Тогда он был арестован на 20 дней и вскоре освобожден. Некий Очиров Намжил, имевший отдаленные контакты с Агваном Доржиевым, в октябре 1933 г. в числе 40 имен, якобы занимавшихся сбором шпионских сведений и передававших их за рубеж, назвал фамилию Агвана Доржиева¹. В их числе также были имена Д. Сампилона, В. Трубачеева, Э.-Д. Ринчино, Норбоева-Ганжирва-гэгэна, академиков Ф. Щербатского и Г. Миллера. Приблизительно в это же время он назвал еще 22 известные фамилии, среди которых фигурировали имена академиков Ольденбурга, Владимирцова, Обермиллера, Вострикова². В отношении Агвана Доржиева было сказано, что он под видом обновленческого движения создавал ламаистскую контрреволюционную организацию, вступил на путь контрреволюционной деятельности, а все вышеупомянутые лица якобы являлись членами разведывательной организации. Н. Очиров также показал, что еще в 1924 г. Агван Доржиев отправил письма некоему Даниру ламе – старику-тибетцу и Норбоеву – Ганжирва-гэгэну – главе Цугольского дацана, используя его в качестве курьера. Содержание этих писем ему не было известно, однако он считал, что в них могли быть сведения разведывательного характера. Более никаких конкретных данных не приводилось, но это не мешало сформулировать в показаниях, что все перечисленные лица, в том числе Агван Доржиев, были прислужниками японского государства, идеологами панмонголизма. Однако наличие столь нечетких и бездоказательных показаний в первой половине 30-х годов еще не влекло за собой последовательных репрессий. Отбыв срок предварительного заключения, Агван Доржиев был отпущен.

Несомненно, что никакой шпионской деятельностью Агван Доржиев заниматься не мог по ряду причин:

во-первых, Агван Доржиев находился в состоянии активной борьбы со многими лидерами консерваторов, имевшими обширные контакты и связи не только среди верующих, но и за рубежом. И как опытный дипломат, Агван Доржиев прекрасно понимал, что подобного рода деятельностью он мог бы давать лишние козыри против себя;

¹ Базаров Б., Шагдуров Ю. Последние страницы из жизни Агвана Доржиева // Байкал. 1991. № 3.

² Архив УФСБ РФ по РБ. Д. 4030. Л. 34.

во-вторых, он выступал сторонником советской власти, с которой связывал надежды на преобразование религии, и фактически проводить антисоветскую политику был не в состоянии¹. Более того, материалы государственного и партийного архивов показывают его активную деятельность в пользу советской власти, ее политических, государственных и общественных институтов.

Однако были и более глубокие причины, о которых нам стало известно после опубликования сборника документов «Монголия в документах из архивов ФСБ России»², где идет речь об оперативных документах российской резидентуры. В рецензии на издание Л. В. Курас и Б. В. Базаров подчеркивают, что, во-первых, в середине 20-х годов в Монголии началось движение лам за реставрацию власти Богдо-гэгэна [№ 80, 86]. И наиболее последовательным выразителем этого движения стал крупный буддийский религиозный, общественный и политический деятель России и Тибета, ученый и дипломат Агван Доржиев [№ 82]³. Как следствие этого движения имеется документ, свидетельствующий «об арестах лам в связи с движением в поддержку Богдо-гэгэна» [№ 95]. Во-вторых, ламство и миряне были всерьез озабочены финансовым состоянием дацанов и их будущим [№ 110], имея живой пример Бурятии, где все «монастыри занумерованы и со скота и имущества взимаются налоги, вследствие чего религия идет на упадок». Причем такие процессы начались и в Монголии [№ 68, 102]. С достаточной долей уверенности можно предположить, что буддийский иерарх уже тогда попал в оперативную разработку органов государственной безопасности.

Как показывает следственное дело, длительное пребывание Агвана Доржиева в Ленинграде не прерывало его контактов с Бурятией. Агван Доржиев достаточно живо интересовался делами церкви, укреплял контакты, в том числе и деловые. Сейчас нам не ясны в полной мере причины его приезда в республику. Можно лишь предположить, что здесь сказался, прежде всего, преклонный возраст, который по национальным традициям призывает провести последние годы на родной земле. Возможно, сказалась нетерпимая

¹ Архив УФСБ РФ по РБ. Д. 4030. Л. 5.

² Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.): сборник документов/Науч. ред. В. В. Наумкин; отв. ред. К. В. Орлова, В. В. Грайворонский. М.: ИВ РАН, 2019. 528 с.

³ Курас Л. В., Базаров Б. В. Документальный сборник как инструмент «мягкой силы» в российско-монгольских отношениях: раздумья историографов. Восток (Oriens). 2020. № 4. С. 94–101.

обстановка в Ленинграде к «врагам» Советской власти, в числе которых было и духовенство. События развивались необычайно быстро и не в пользу Агвана Доржиева. 13 ноября 1937 г. он был арестован, этим же числом датируется ордер на арест и обыск за № 616. В справке на арест гражданина Агвана Доржиева говорилось, что он проживает на Ацагатском аршане Заиграевского аймака и материалами следствия изобличен как один из руководителей контрреволюционной, панмонгольской, террористической, повстанческо-диверсионно-шпионской организации. В доказательство этого не приводилось никаких других данных и показаний, но при этом он привлекался по статьям 58–1 «а», 58–2, 58–8, 58–9, 58–11 УК РСФСР (9).

Первый и единственный его допрос состоялся 26 ноября 1937 г. Запись содержит две с половиной страницы, написанные крупным почерком, каждая из которых подписана Агваном Доржиевым, причем дата и месяц на протоколе допроса проставлены другими чернилами. А. Доржиев признал себя виновным в качестве одного из «руководителей контрреволюционной, панмонгольской, террористической, повстанческо-шпионской организации». На вопрос о целях контрреволюционной организации он ответил: «Цель нашей контрреволюционной организации подробно обрисовать не смогу, могу сказать, что конечная цель нашей контрреволюционной организации была свержение Советской власти, так как я лично ненавижу ее за закрытие дацанов и вообще за борьбу с религией»¹. На этом допрос был прерван, «в виду болезни». Соответствующая запись зафиксирована иными чернилами в конце протокола.

На следующий день, 27 ноября, в 16 часов Агван Доржиев был помещен в тюремную больницу. В процессе допроса не было выяснено, когда возникла эта организация, с какого времени и с кем он совместно возглавлял, кто состоял в ней и когда он сам встал на «путь враждебной деятельности против Советской власти». Как доказательство преступной деятельности Агвана Доржиева, к делу приобщены копии показаний (в некоторых случаях выписки) обвиняемых по другим делам. Эти показания позволяют понять направление следствия и предъявленного обвинения Агвану Доржиеву.

Так, в материалах дела фигурируют протоколы допроса Аригунова Базара 1887 г. р., ламы-гэбши, уроженца Витимского сомона,

¹ Базаров Б., Шагдуров Ю. Указ соч. С. 124.

Еравнинского аймака БМАССР. 2 ноября 1937 г. Аригунов дал показания, что с 1929 г. он являлся участником контрреволюционной ячейки при Ацагатском дацане. Существенным в этом отношении было показание о том, что по инициативе Агвана Доржиева в Эгитуйском дацане сформировалась организация «Тасак-Бугулмы», целью которой было сохранение буддийской религии¹, которая вскоре, по показаниям того же Аригунова, превратилась в «мощную контрреволюционную организацию»². Далее он показал, что Агван Доржиев предлагал объединить усилия в борьбе с Советской властью. Цель организации – вооруженное свержение Советской власти и установление самостоятельной монгольской державы с сохранением буддийской религии. Конкретная деятельность определялась заданиями Агвана Доржиева и заключалась в сборе секретных материалов по интересующим его вопросам о новых сооружениях обороны стратегического значения и распространении антисоветской агитации среди колхозников. В 1936 г. от него было получено задание проводить вербовку новых членов организации и устанавливать точки повстанческих ячеек. Интересно, что допросы Аригунова Базара были возобновлены 5 декабря 1937 г.» т.е. уже после ареста Агвана Доржиева³. Однако кроме нескольких новых фамилий из числа лам Аригунов не добавляет ничего нового.

После ареста А. Доржиева работа по сбору компрометирующих материалов усиливается. При допросе 7–8 декабря 1937 г. Доржиева Дажуп Дансарановича, являвшегося с 1929 по 1937 г. Председателем Совнаркома Бурят-Монгольской АССР, имя Агвана Доржиева называлось в качестве одного из руководителей центра «контрреволюционной, повстанческой организации» наряду с именами М. Н. Ербанова⁴, А. А. Маркизова⁵, Б. Б. Барадина⁶,

¹ Архив УФСБ РФ по РБ. Д. 4030. Л. 59.

² Там же. Д. 4030. Л. 107–109.

³ Там же. Д. 4030. Л. 153.

⁴ Ербанов Михай Николаевич – (26 февраля [10 марта] 1889–8 февраля 1938 года) – советский государственный и партийный деятель, руководитель Бурят-Монгольской республики в 1923–1937 гг. Член ВКП (б) с 1917. Член Центральной ревизионной комиссии ВКП (б) (1934–1937). В феврале 1938 г. расстрелян. В 1956 г. реабилитирован.

⁵ Маркизов Ардан Ангадыкович (1899 или 1898, территория Куйтинского булсовета Аларского аймака БМАССР – расстрелян в 1938 году) – советский бурят-монгольский государственный и партийный деятель, народный комиссар земледелия Бурят-Монгольской АССР (1936), 2-й секретарь Бурят-Монгольского областного комитета ВКП (б). С 1919 член РКП (б), исключен из ВКП (б) в 1937 году. Служил в РККА. Председатель Бурят-Монгольской областной контрольной комиссии ВКП (б).

⁶ Барадин Базар – видный научный, общественный, государственный и литературный

Ц. Ж. Жамцарано¹. Так, 20 ноября 1937 г. состоялись допросы Ц. Б. – ламы Ацагатского дацана, Ш. Р. – ламы-гэбши². Они дали схожие показания о том, что являлись участниками контрреволюционной группы из числа репрессированных советской властью элементов и ставили целью своей деятельности свержение советской власти и сбор шпионских сведений. Практически эти цели реализовывались доставкой Агвану Доржиеву в Ленинград сведений об экономическом положении БМАССР, о настроениях среди бурятского населения по отношению к советской власти.

Вместе с тем в эти годы происходил противоречивый процесс в Бурятии и в бурятских улусах. Часть ламства, действительно, разными методами боролась в принципе против советской власти, а также против многих ее реформ. Основные векторы исторического развития всей страны и республики были направлены против господствовавшей до революции системы социально-экономических институтов и всей системы церковных ценностей. Отражением этого явления был церковный раскол. Принципиальные подходы к сложившейся дацанской системе разоблачали пороки ламаистского духовенства, паразитизм его, как основу существования, спекулирование на лучших чувствах верующих. Идея обновленчества, проводимая Агваном Доржиевым, только показала, что буддийская религия имеет внутренние источники саморазвития и может существовать в условиях господства тоталитарного режима.

Анализируя социально-политическую обстановку в Бурятии в конце 20-х – начале 30-х годов, следует подчеркнуть, что крутой перелом 1929 г. со всеми его перегибами и насилиями в верховной политике был направлен против ламства, социальной базой которого было единоличное крестьянство. Методы борьбы против ламства отличались крайними формами, власть не считалась с религиозными чувствами. В практике атеистической работы все

деятель, профессор-востоковед, первый нарком просвещения БМАССР, организатор науки Бурятии, путешественник, писатель. Расстрелян как шпион и панмонголист в 1937 г., реабилитирован в 1958 г.

¹ Жамцарано Цыбен Жамцаранович (1881–1942) – бурятский, монгольский и советский ученый, общественно-политический деятель, один из создателей национальной государственности монгол и бурят. Член-корреспондент Академии наук СССР, доктор филологических наук. Арестован в 1937 г. Умер 14 мая 1942 года в Соль-Илецкой тюрьме (Оренбургская область).

² Страницы из жизни Агвана Доржиева: Архивные документы. Улан-Удэ: Министерство культуры Бурятии. 1993. С. 52.

более обозначалась тенденция голого администрирования в борьбе против церкви, участились грубые нарушения законности, агитация против церкви приняла самый широкий размах. В этих условиях Агван Доржиев решительно выступал против политической компрометации религии, полагая, что борьба с пороками ламства не должна отрицать религию и отменять все ценности буддийской философии: «Я, будучи человеком не возражающим против ведения антирелигиозной пропаганды объективными методами, считаю ведение в противовес этому религиозной пропаганды вполне допустимым явлением. Обращаю настоящим письмом усердным образом Ваше высокое внимание на изложенное и покорнейше прошу дать руководителям Бурреспублики Ваше авторитетнейшее указание о недопустимости подобной тактики ведения антирелигиозной пропаганды среди населения, тактики, которая самым грубым образом оскорбляет религиозное чувство населения и приводит в состояние панического страха его» – писал Агван Доржиев члену Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета П. Г. Смидовичу¹. Вообще в этот период он направил множество писем, прошений в различные инстанции, используя свои связи. Агван Доржиев не боялся обращаться в высокие инстанции. Так, он обращался с письмами и просьбами к председателю ЦИК Союза СССР М. И. Калинину, наркому по иностранным делам СССР Г. В. Чичерину, члену президиума Всероссийского Центрального исполнительного комитета П. Г. Смидовичу, постоянной комиссии по вопросам культов при президиуме ЦИК СССР и в другие инстанции. В своем заявлении на имя председателя ЦИК М. И. Калинина, датированном 20 мая 1934 г., он с болью в сердце писал: «...в некоторых местах Бурят-Монгольской АССР во время закрытия дацанов и конфискации имущества отдельных лам, у которых также бывают значительные собрания ценных текстов, местными властями допускается варварское уничтожение этих единственных в своем роде литературных памятников, которые без разбора сжигаются, бросаются в воду, употребляются в качестве папиросной бумаги и т. п. Это вопиющее уничтожение культурных ценностей как будто совершенно игнорируется местными властями, которые видят во всех этих памятниках лишь «классово-враждебную литературу»

¹ Страницы из жизни Агвана Доржиева (Архивные документы). Улан-Удэ, 1993. С. 53–54.

ру», совершенно не считаясь с тем, что гибнут исключительные исторические памятники, привлекающие внимание крупнейших ученых и являющиеся для них материалом первостепенной важности и ценности»¹. Однако Советская власть к этому времени уже не считалась ни с какими прогрессивными течениями ламаистской церкви. Еще более усилились левацкие настроения в борьбе против дацанов. В условиях, когда был поставлен вопрос о существовании не только дацанов, но самой религии вообще, тактика обновления стала изживать себя в принципе из-за исключительной поляризации общества. Поэтому сам Агван Доржиев поставил вопрос о преодолении церковного раскола. Однако изменение тактики еще не означало коренного пересмотра взглядов Агвана Доржиева на религию и ее место в обществе. Тактическая линия Агвана Доржиева с 1930 г. характеризуется призывом к ламству идти в народ и бороться за религию. Это было связано с массовым уходом лам и хуvaraков из дацанов. Поэтому можно сделать вывод, что взгляды Агвана Доржиева о судьбах церковной иерархии фактически являлись проявлением заботы о судьбах религии в целом.

Однако все показания» которые давались после 26 ноября 1937 г., времени единственного допроса Агвана Доржиева, уже не имели большого значения, поскольку смерть не заставила себя ждать. 29 января 1938 г. в тюремной больнице Агван Доржиев умер в результате упадка сердечной деятельности и общего ослабления организма на почве старческих изменений. Между тем в отдельных научных изданиях встречаются неточности в отношении даты смерти Агвана Доржиева. Так, Л. Минерт полагает, что после возвращения из Ленинграда в Бурятию Агван Доржиев умер в 1931 г. на Ацагатском аршане². Мы же полагаем точными архивными данными о месте и дате смерти Агвана Доржиева. Это подтверждает акт вскрытия от 29 января 1938 г.³.

Параллельно со следствием добавилась работа финансовым органам. Материалы дела № 2768 по делу Агвана Доржиева содержат несколько документов описи его имущества, на общую сумму 30764 рубля 20 копеек⁴. Заметим, что виновность Агвана Доржиева

¹ Архив УФСБ РФ по РБ. Д. 4030. Л. 185.

² Минерт Л. Посол Далай-ламы и реформатор буддизма // Азия и Африка сегодня. 1994. № 11. С. 77.

³ Архив УФСБ РФ по РБ. Д. 4030. Л. 179.

⁴ Там же. Л. 343.

в этот момент не была доказана. После ареста были установлены недоимки за Агваном Доржиевым за 1935–1937 гг. по земельной ренте и со строений, имущество с торгов было реализовано в ближайшее время. Личные вещи Агвана Доржиева по его прибытию в тюрьму были представлены весьма скудно.

10 апреля 1938 г. нарком НКВД БМАССР Ткачев утвердил постановление о прекращении дела Агвана Доржиева за смертью, разрешив Заиграевскому райфинотделу реализацию всего описанного имущества.

В декабре 1956 г. по делу Агвана Доржиева было начато дополнительное расследование. В ходе этого расследования проверялись все сопутствующие дела, проходившие по делу Агвана Доржиева, большинство из которых оказались сфальсифицированными. Проверка по Центральному Особому архиву МВД СССР, государственному Особому архиву РСФСР Дальнего Востока, трофейным японским документам и архивам органов КГБ никаких материалов о принадлежности Агвана Доржиева к агентуре японских разведорганов и других компрометирующих его сведений не дала¹. В январе 1957 г. один из работников НКВД дал объяснение по поводу своих действий в 1937–1938 гг. Он писал, что аресты лам проводились большими группами, а следствие проводилось в сжатые сроки и дела рассматривались упрощенным способом на тройке, без вызова обвиняемых. Для упрощения процедуры несколько дел объединялось в одно. Имели место даже контрольные цифры по вынесению приговоров по первой и второй категории. Применялись длительные конвейерные допросы, стойки на ногах, начальство разрешало физическое воздействие, избивание арестованных. Добытые же сведения из-за нехватки времени не проверялись².

6 декабря 1957 г. за подписью Председателя Комитета государственной безопасности при Совете Министров БМАССР полковника Д. Иванова было принято постановление о прекращении дела Агвана Доржиева по ст. 204 п. «Б» УПК РСФСР за недостаточностью улик для предания суду³. И только 17 мая 1990 г. было вновь принято постановление о прекращении дела за отсутствием события и состава преступления. Столь долгим оказался путь к политической и гражданской реабилитации Агвана Доржиева.

¹ Архив УФСБ РФ по РБ. Д. 4030. Л. 260.

² Там же. Л. 341.

³ Там же. Л. 310.

Таким образом, последние годы жизни и деятельности Агвана Доржиева пришлись на трагические события середины 1930-х гг. Он разделил судьбу тысяч и тысяч своих земляков и соотечественников, став жертвой политического произвола тоталитарного режима. Тщательный анализ материалов следственного дела, заведенного УНКВД БМАССР на Агвана Доржиева, показывает, что оно от начала и до конца было сфальсифицированным, а признательные показания самого Доржиева были получены под давлением.

A. V. Damdinov

**Agvan Dorzhiev's work:
the last pages of buddhist hierarch's life**

Abstract: The article examines the last years of Agvan Dorzhiev's life who was prominent hierarch of Buddhist confession, the teacher of the 13th Dalai Lama, the ideologist of renovationism in Buddhist monasteries. The author introduces the archival documents from the FSB that allow understanding whole tragedy of Soviet state in 1930s, passed through massive persecutions, and also specifics of repressive policy in Buryat-Mongolia.

Key words: Agvan Dorzhiev, Buddhist confession, renovationism, NKVD, persecutions.